

Л.И. Богданова

Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц

В статье рассматривается, каким образом в языке отражаются культурные ценности: в семантике слов с субъективным компонентом значения, в пословицах, поговорках. Особое внимание уделяется изучению проблемы конфликта ценностей в межкультурной коммуникации. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия.

Ключевые слова: культурные ценности; оценка; наивная этика; контакт культур; код культуры.

На современном этапе развития науки ценности рассматриваются не только как системный компонент культуры, но и как выражение потребности человека в оценке и оценивании, как духовная сущность личности. Лексические значения, создающие языковую картину мира, составляют интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [5: с. 32]. Именно поэтому глубокое изучение лексической семантики предполагает, кроме собственно лингвистического аспекта, широкий спектр исследований другого плана, включая географический, социальный, политический, философский, психологический, ценностный аспекты. Ценностный аспект представлен в исследованиях по когнитивной семантике (Ю.Д. Апресян, Е. Бартминьский, А. Вежицкая, Е.В. Урысон и др.), в работах Н.Д. Арутюновой, в исследованиях по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), этнопсихолингвистике (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.) и др. Учеными получены важные результаты, связанные с изучением русской ментальности, с экспликацией национальной системы ценностей. Однако интерес к изучению ценностей продолжает расти на фоне укрепления позиций коммуникативного подхода к языку, который предполагает «исследование языковых объектов

в потоке речевой деятельности и, как следствие, учет прагматических составляющих речевого акта...» [13: с. 54]. Именно в коммуникации, особенно в межкультурном общении, раскрываются ценностные компоненты значений слов, о чем свидетельствуют, в частности, работы Т.В. Лариной [8]. При таком подходе культура осмысливается как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица.

В эпоху глобализации и одновременного поиска национальной идентичности требуется осмысление культурной и когнитивной роли русского языка как орудия постижения окружающего мира, носителя русской ментальности и культурных ценностей. В задачу данной работы входит выявление и конкретизация национально-культурной специфики русских ценностей, обнаруживающих себя в ситуациях контакта культур. Предпосылкой для такого подхода является идея о том, что общечеловеческие ценностные концепты по-разному группируются и вербализуются в языках в зависимости от различных факторов и, следовательно, фиксируются в разных значениях, что приводит к несоответствиям между языками.

Язык является инструментом оценивания, т. е. служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей. Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает трансляцию ценностей. При этом следует отметить, что отношения между познавательным и оценочным компонентами значения слова находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Активной стороной в конфликте являются оценочно-аксиологические компоненты, а компоненты познавательные легко утрачиваются, особенно это заметно в сфере политики, идеологии (ср.: *буржуазный, капиталистический, коммунистический, бизнесмен* и др.).

В современной науке принято выделять особое культурное пространство на глубинном уровне, которое нередко называют кодами культуры. Код культуры понимается по-разному. В философии [11: с. 63–65] культура в целом рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт. Коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют генетические коды (ДНК). Аналогом генетических кодов в обществе, представляющем собой социальный организм, выступает культура.

Культурный код, объясняемый как ключ к пониманию данного типа культуры, понимается как совокупность знаков (символов) и смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека. Код культуры может рассматриваться и как культурное бессознательное: то, что скрыто, но проявляется в поведении.

Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле понимается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [9: с. 3].

Какие же ценности формируют русский культурный код? Рассмотрим некоторые из них.

Ценности в первую очередь декодируются из значений лексики с положительным оценочным компонентом, который, однако, не всегда фиксируется словарями. Например, русская *широта натуры* расценивается как положительное качество, но это выясняется только из контекстов употребления: в одном из переносных значений *широкий* толкуется в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой как ‘не стесненный в проявлении, в обнаружении чего-н., с размахом’. Приведенные в качестве примеров словосочетания *широкий образ жизни*, *широкая натура* дают представление о том, что говорится о щедром, не стесняющемся в тратах или открытом и общительном человеке [15: с. 897]. В словаре В.И. Даля объясняется, что *жить широко* — это жить ‘богато, таровато, хлебосольно’, а понятие *ширь* связывается с *простором*, что также оценивается положительно [14: т. 4, с. 634].

Удаль воспринимается как качество, присущее русским (ср. *русская удаль*), и определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество. Ср. толкования данного слова в словаре С.И. Ожегова: *удаль* — ‘безудержная, лихая смелость’: *удаль молодецкая; промчатся с удалью по селу; любить кого-л. за удаль* [15: с. 825]. Ср. также: мал, да удал. (Поговорка). Смелость без участия рассудка, разума далеко не всеми культурными сообществами оценивается положительно. Неслучайно Н.С. Трубецкой отмечал, что *удаль*, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам.

Такие качества, как *русская прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность*, в рамках русской культуры также ценятся высоко. В словарях прямой толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’. Однако с позиций иной культуры эти качества могут быть не всегда привлекательными. Так, английский журналист был удивлен прямыми и честными ответами российского нападающего: «Этот Аршавин — неисправимый русский!» (Футбол // «Daily Mail», 2009).

Еще более сложная ситуация с лексикографическим представлением такой русской ценности, как *кротость*. В словаре С.И. Ожегова *кроткий* — ‘незловбивый, покорный, смиренный’ [15: с. 308]. Однако *покорность* (*покорный*), как подчинение чужой воле, далеко не положительное качество. В.И. Даль определяет прилагательное *кроткий* через ряд синонимов с положительной оценкой: ‘тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый’ [14: т. 2, с. 199]. В словаре даются следующие примеры употребления слова: «*Кроткое обращение*, ровное и доброжелательное. Кроткое слово гнев побеждает. Не ищи мудрости, ищи кротости» [Там же.] «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Ев. от Матфея) [3].

Ценностную составляющую русского понятия *кротость* подтверждают литературные примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]:

«Он был добрый, кроткий человек, я любил его...» (А.П. Чехов. Крыжовник, 1898). «Перевод я сделал, как мог: не хотелось огорчать Якова Мироновича — он был такой милый, кроткий и весь светлый, голубоглазый, с еще не седевшим, совсем светлым пушком волос на висках» (И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1995).

Своего рода амбивалентную ценность представляет собой слово *скромный*. *Скромность* как человеческое качество, пожалуй, даже и в современном мире оценивается положительно, но *скромное жилье, скромная зарплата, скромные интеллектуальные возможности* вряд ли можно оценить позитивно. Толковый словарь С.И. Ожегова так определяет прилагательное скромный: «1. Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, нехвастливый. 2. Сдержанный, умеренный простой и пристойный. *Скромное поведение. Скромная внешность. Скромно одеваться. Скромная квартира.* 3 перен. Небольшой, ограниченный, едва достаточный. *Скромный заработок. Весьма скромный результат*» [15: с. 726].

В словаре В.И. Даля *скромный* представлен более позитивно: ‘умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный; не ставящий личность свою наперед; приличный, тихий в обращении’: *Скромность всякому к лицу*. В словаре приводятся антонимы к слову *скромный*: самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый; гордый, заносчивый, наглый, нахальный [14: т. 4, с. 210].

Ср. пример из НКРЯ [1]:

«Ленивый, зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности» (Токарева В. Своя правда // «Новый Мир», 2002).

Значения слов, отражая ценности, могут содержать субъективный оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [4: с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик, ябеда, фискал, стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о нарушениях закона и порядка в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно. Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться, льстить, сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать, подсматривать, любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать, насмехаться, глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться, пресмыкаться, угодничать*) [4: с. 351]. Исходя из этих правил, можно декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (человеческое достоинство, уважение к людям и др.) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство. По сравнению с англосаксонской

культурой в русском ценностном универсуме «личное пространство не так высоко ценится, слово *privacy* (зона личной неприкосновенности) отсутствует в лексиконе» [7: с. 23].

В русской культуре высоко ценится умение быть собой, не притворяться, не выдавать себя за другого, отсюда и негативная оценка таких действий, как *скромничать* — ‘быть сознательно, намеренно скромным и нередко для виду’ [14: т. 4, с. 210], *умничать* — ‘стараться выказать свой ум’ [15: с. 833].

Национально-специфический ценностный компонент особенно ярко обнаруживает себя при анализе ассоциативного ореола слов. Например, образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, нечистой силой, застоем, косностью, что подтверждают словари русского языка. Так, в Словаре В.И. Даля отмечается, что *болото* — «не просыхающая грязь от родников или от натека по рыхлой почве..., на юге лужу и грязь зовут *болотом*»; В.И. Даль приводит пословицы и поговорки: *В тихом болоте (омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: черт уши обколотит* и др. [14: т. 1, с. 110–111].

Словарь С.И. Ожегова дает такое определение этому слову: «*Болото* — 1. Избыточно увлажненный участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. *Завязнуть в болоте*. 2. *перен.* Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины*. 3. *ед.* В старых народных представлениях: топь, трясины как место обитания нечистой силы. *Было бы болото, а черти найдутся* (посл.). *Иди ты в болото!* (грубое требование уйти). *Ну тебя в болото!* (прост.) — выражение пренебрежения, нежелания видеть, считаться, иметь дело с кем-н. *Черти болотные*» [15: с. 55].

Литературные источники подтверждают наблюдения лексикографов. Приведем примеры из НКРЯ [1]:

«Он искал последней [мудрости] и у древних, и у новых мудрецов, но признал отчасти истинным только учение Эпикура и занял мудрость не в гряде книг: одна книжная мудрость что *смадное болото*; оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом — скукою; там ум как *стоячая вода*; из этого болота почерпается только мертвая вода, а для прозябания ума нужно впрыскивать его еще живой водой» (И.А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете, 1841).

«Ведь я увел науку в *болото* талмудической *абстракции*, оторвал ее от практики» (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 1960).

«Вон, какие люди были, а как скатились в *болото оппозиции*, как пошли не той дорожкой, то вон к чему и пришли!» (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978).

«Слово за слово — и все, видимость спокойствия исчезает, и социальный базис, который хоть как-то скрепляет людей, превращается в *бесформенную жижу* — *болото*, в котором каждый тонет — или выплывает — как может» (Е. Гусятинский. С кем ты хочешь быть, 2011).

Как видим, и данные словарей, и литературные примеры выявляют в русском слове *болото* исключительно негативные коннотации. Вместе с тем известно, что финский ученый Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т. е. болото для финнов не место тления, а место сохранения, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык [10: с. 128]. Учет в межкультурном общении различий в коннотативной семантике слов трудно переоценить. Однако, как показал анализ словарных толкований, словари далеко не всегда включают в толкование компоненты значения, отражающие национально-культурную семантику ценностной направленности.

Национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур, когда «оценочный знак ценности меняется в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность — взгляд изнутри или взгляд извне» [6: с. 207]. Важно отметить, что некоторые ценности, являющиеся, казалось бы, общечеловеческими, универсальными, могут выявить разную степень значимости для разных культур только при их столкновении. Например, любовь и уважение детей к родителям кажется естественной ценностью и нравственным императивом для подавляющего большинства культур. Так, в русском языке есть много пословиц, доказывающих ценность семьи («Земля без воды мертва, человек без семьи — пустоцвет», «Дерево держится корнями, а человек семьей» и др.), пословиц, призывающих ценить, любить, уважать и почитать родителей («Жалей отца с матерью, других не найдешь»; «Родную мать никем не заменишь» и др.) [2]. Казалось бы, трудно представить ситуацию культурного сбоя, связанного с неоднозначным пониманием любви детей к родителям. Однако, как показали специальные исследования, в корейской и китайской культурах семейные ценности стоят выше в ценностной иерархии, чем в русской культуре.

Итак, структура представлений об одном и том же явлении может различительно не совпадать у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [12: с. 37]. Сложность и противоречивость культурно-ценностного универсума не отменяет изучения феномена культурных ценностей в межкультурном аспекте и его реализации в практике преподавания языков и культур. Феномен культурных ценностей востребует личностно ориентированное содержание образования, способствующее самопознанию и самоопределению личности.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: www.rus-corpora.ru (дата обращения: 15.01.2017).
2. Русские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: www.poslovitzza.ru/russkie/html (дата обращения: 10.01.2017).

3. Православная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/evangelie/67.html> (дата обращения: 10.01.2017).

Литература

4. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избр. тр.: в 2 т. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

5. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск.; сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 528 с.

6. Богданова Л.И. Русские культурные ценности в аспекте преподавания русского языка как неродного // Русский язык как неродной: новое в теории и методике: сб. науч. тр. Чебоксары – Москва: Интерактив плюс, 2015. Вып. 4. С. 204–209.

7. Богданова Л.И. Русский императив в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015, № 2 (18). С. 21–28.

8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

9. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.

10. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2015. 528 с.

11. Степин В.С. Культура // Вопр. философии. 1999. № 8. С. 61–71.

12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

13. Ярыгина Е.С. Еще раз о «коммуникативном подходе» к сложному предложению (к вопросу о возможностях лингвистического эксперимента) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3. С. 52–62.

Справочные и информационные издания

14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1999.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: www.ruscorpora.ru (data obrashheniya: 15.01.2017).

2. Russkie poslovitzы' i pogovorki. [E'lektronny'j resurs]. URL: www.poslovitza.ru/russkie/html (data obrashheniya: 10.01.2017).

3. Pravoslavnaya biblioteka. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/evangelie/67.html> (data obrashheniya: 10.01.2017).

Literatura

4. Апресян Ю.Д. Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya: izbr. tr.: v 2 t. Т. 2. М.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1995. 767 s.

5. Bartmin'skij E. Yazy'kovoj obraz mira: ocherki po e'tnolingvistike / per. s pol'sk.; sost. i отв. red. S.M. Tolstaya. М.: Indrik, 2005. 528 s.

6. *Bogdanova L.I.* Russkie kul'turny'e cennosti v aspekte prepodavaniya russkogo yazy'ka kak nerodnogo // *Russkij yazy'k kak nerodnoj: novoe v teorii i metodike: sb. nauch. tr. Cheboksary' – Moskva: Interaktiv pl'us, 2015. Vy'p. 4. S. 204–209.*

7. *Bogdanova L.I.* Russkij imperativ v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 2. S. 21–28.*

8. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. 512 s.

9. *Maslova V.A., Pimenova M.V.* Kody' lingvokul'tury'. M.: Flinta: Nauka, 2016. 180 s.

10. *Sabitova Z.K.* Lingvokul'turologiya. M.: Flinta: Nauka, 2015. 528 s.

11. *Stepin V.S.* Kul'tura // *Vopr. filosofii. 1999. № 8. S. 61–71.*

12. *Fuko M.* Slovaiveshi. Arxeologiya gumanitarny'x nauk. SPb.: A-cad, 1994. 408 s.

13. *Yary'gina E.S.* Eshhyo raz o «kommunikativnom podhode» k slozhnomu predlozheniyu (k voprosu o vozmozhnostyax lingvisticheskogo e'ksperimenta) // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3. S. 52–62.*

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. M.: Rus. jazy'k, 1999.

15. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.

L.I. Bogdanova

Value Aspect in Description of Language Unit Semantics

The paper considers ways of cultural values reflection in language: in the semantics of words with a subjective-meaning compound, in the meanings of proverbs and folk sayings. Special attention is turned to the research of the problem of value conflict in cross-cultural communication. The conceptual structure of the same phenomenon may not correspond in different cultural communities. This confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes which operate its language and perception schemes.

Keywords: cultural values; evaluation; naive ethics; culture contact; culture code.